

Дуглас Брайан Потерянный город

Конан – 105

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Нет конца и края этим джунглям. Сквозь бесконечное их зеленое море уж который день пробирается молодой человек. Черные Королевства только называются «королевствами» — человечески поселения встречаются здесь не чаще, чем острова в открытом океане. Боги, должно быть, веселятся сейчас, поглядывая сверху на человека — им-то хорошо видно, как долго еще брести ему, выпутываясь из цепких объятий лиан, прорубая себе путь сквозь сплошные заросли, то проваливаясь по пояс в трясину, то сбивая себе ноги о каменистую почву. И все же деревня небольшого черного племени неуклонно приближается.

Молодой человек не принадлежит ни к одному из чернокожих народов, что населяют эти земли. Он не похож ни на кого из местных: рослый, мускулистый, синеглазый, огромного роста.

Он массивен, хоть ни капли жира нет в его крепком теле. Загорелая кожа так обветрилась, что выглядит почти черной. И все же с первого взгляда понятно, что он — белой расы, пришелец с далекого севера.

— Кром! — бормотал он. — Полдня назад я видел след человеческой ноги. Не может быть, чтобы мне показалось. Здесь поблизости есть люди. Какой-то человек выходил на охоту. А! — Он остановился, прищурился, откинул со лба спутанные черные волосы. — Вон обломок копья, клянусь богами!

Он подошел ближе, поднял то, что показалось ему обломком копья. Это была простая палка, однако отполированная прикосновением человеческой руки и оструганная на конце.

— Здесь крепился наконечник, — сказал себе молодой человек. — Он сломал копье и

снял наконечник, или мое имя не Конан!

Ободренный новой находкой, он зашагал увереннее.

Конану было необходимо найти жилище и людей, потому что день назад в схватке с леопардом он получил довольно серьезную рану. И хоть он перевязал ее, как умел, остатками своей одежды, без заботливого ухода ему долго не протянуть в этих джунглях. Так уж заведено, что здесь, на Черных землях, раны белых людей быстро начинают гноиться, и белый погибает — тогда как черный человек в состоянии выжить. Здесь сама земля знает, кого ей беречь, а кого принять в свое влажное, всепоглощающее лоно.

Конан заскрежетал зубами, чувствуя, как струйка крови вновь побежала по ноге. Разорванный бок горел, как в огне. Он сорвал несколько листьев, пожевал их и приложил к ране зеленую кашицу, чтобы остановить кровь, но это больше не помогало.

Собрав все свои силы, молодой человек побрел дальше.

Лес расступился перед ним, словно признав, наконец, превосходство человека над стихией деревьев и трав. Конан, конечно, знал, что это не так. Человек вынужден побеждать стихию всю жизнь, до самой смерти, пока стихия в конце концов не одолеет его. Ни море, ни лес, ни горы не сдадутся; они старше, они более могущественны и боги зачастую на их стороне. И если хрупкая, такая ранимая человеческая плоть иногда одерживает верх, то только благодаря несокрушимой силе духа, заключенной в телесную оболочку, которую так просто разрушить.

Улыбка медленно проступила на загорелом лице киммерийца, сверкнули зубы, загорелись синие глаза. На поляне, вырубленной в сердце огромного леса, стояло два десятка круглых хижин. Листья, небрежно набросанные на крышу, чуть шевелились под слабым ветерком. Посреди поляны горел огромный костер, там хлопотали женщины, почти совершенно обнаженные, если не считать юбок из сухих листьев. Многие из «цивилизованных людей» сочли бы такой наряд дикарским и уродливым, но Конан — сам такой же варвар, как и эти люди, — умел видеть в нем своеобразную красоту. Эти юбки подчеркивали женственность негритянок, широту их бедер, плавность их походки — походки женщин, привыкших носить на голове огромные корзины с фруктами и кувшины с водой.

Поначалу появление незнакомца оставалось в деревне незамеченным. Женщины продолжали свою работу: одни били деревянными колотушками по корням каких-то растений, чтобы расщепить их и превратить в нити, из которых потом можно ткать; другие растирали зерно маленькими каменными жерновами; третьи скребли острыми камнями снятые с животных шкуры. Мужчины, человек пять, сидели отдельно на земле и болтали между собой, то и дело посматривая в сторону женщин. Это были охотники, недавно вернувшиеся после удачного промысла; они были голодны и ждали, пока будет готово мясо. Несколько девушек нарезали сырое мясо ломтями, чтобы завялить; остальное варилось в котле, и оттуда на всю округу распространялись манящие ароматы.

Несколько тощих полудиких собак, похожих на шакалов, вертелось поблизости, и женщины, смеясь, бросали в них комьями земли и камнями. Псы, поджав хвосты, отбегали и жалобно скулили, поглядывая издали на котел и жестокосердых хозяек. Совершенно голые дети также разгуливали неподалеку, выпячивая круглые животы с выпирающим пупком. Один раз Конан заметил поразительную красавицу — огромные черные глаза, курчавые волосы, схваченные ниткой на затылке, гибкое черное, блестящее тело. Девушка лет тринадцати выглядывала из хижины, не решаясь выйти. Она была не то наказана за что-то, не то просто пряталась, чтобы ее не заставили выполнять какую-нибудь тяжелую работу, которую женщины-матери обычно перекладывали на своих подросших дочерей. Просто удивительно, как из маленьких карапузов вырастают такие красотки, подумал Конан. Эта загадка никогда не переставала его удивлять.

Он так загляделся на красавицу, угадывая ее фигуру в полумраке хижины за откинутым пологом, что выступил из чащи и на некоторое время утратил бдительность. Его заметили.

Мужчины прекратили беспечную болтовню и вскочили на ноги, хватаясь за копья.

Женщины тоже прекратили работу, но убегать не спешили. Они находились у себя дома, под защитой охотников, а незнакомец, судя по всему, пришел один.

Конан крикнул несколько слов на языках известных ему черных племен, а потом развел руки в стороны и показал, что безоружен. Открылась рана на боку. Конан сорвал повязку и показал также рану.

— Леопард! — воскликнул один из охотников. Он бесстрашно подошел к гиганту-киммерийцу, который был выше его на две с половиной головы и шире по крайней мере в полтора раза. — Ты сражался с леопардом и остался жив! Смотри!

И он указал на длинный кривой шрам, ползущий вверх по тощому бедру.

— Я тоже бился с леопардом! Я победил леопарда!

— Не хвастайся, Ньяса! — крикнула одна из женщин и залилась веселым смехом. — Я знаю, как это было! Детеныш леопарда оцарапал тебя лапой, и ты удрал, пока не появилась его мать!

— Возможно, так и было, — не утратил достоинства Ньяса и повернулся к женщине. Он потряс жилистым кулаком. — Зато я до сих пор жив и могу кормить тебя мясом. А тот, кто дождался бы самки леопарда, вряд ли был бы полезен своему народу! Он стал бы молоком самки и питанием для ее детеныша!

— Довольно почтенная судьба, — заметил Конан и пропел; — О, смерть, ступающая на мягких лапах, таящаяся в темноте! Когда нанесешь ты удар? Прекрасная смерть, крадущаяся на мягких лапах!

— Ты знаешь! — восхитился Ньяса. — Ты видел прекрасную смерть на мягких лапах!

— И убил ее, — сказал Конан. — Если вы поспешите, то, возможно, отыщете мертвого леопарда в дне пути отсюда.

— Почему же ты не взял его с собой?

— Потому что едва унес оттуда ноги. У меня не было сил, — признался Конан. — По правде сказать, если вы мне не поможете, я истеку кровью. Вы легко отыщете дорогу, если пойдете по кровавым следам.

Несколько охотников, ни слова не говоря, тотчас засобирались в путь. Бросать такую драгоценную вещь, как шкура леопарда, им не хотелось.

Конечно, она принадлежит этому незнакомцу. Но ведь незнакомец просит у них убежища и помощи. Возможно, он согласится заплатить шкурой. Так и вышло.

— Если вы поможете мне, то возьмите шкуру себе, — сказал Конан.

— Они и так забрали бы шкуру, — понизив голос, заметил ему Ньяса. Он приплясывал на месте от возбуждения, и его широкие плоские ступни хлопали по утрамбованной земле, как лапки лягушки. Вообще в своей деревне он слыл вралем, неудачником и пересмешником — словом, пустым человеком. Может быть, поэтому он так потянулся к пришельцу: Конан, по крайней мере, еще не знает о его репутации.

— Ты сильно ошибаешься, друг, — сказал Конан, — никто не взял бы шкуру моего леопарда без моего разрешения.

Ньяса окинул его взглядом. Пришелец едва держался на ногах, так он ослабел от голода и потери крови. И все-таки угрожающее выражение еще не исчезло из его синих глаз. И Ньяса вдруг понял, что этот человек — и сам прекрасная смерть на мягких лапах. Если его обидеть, он вернется и отомстит за себя.

Охотник чуть отступил.

— Назови свое имя старейшинам и оставайся, — сказал он. — Женщины помогут тебе.

Он высоко поднял голову и с достоинством отступил в тень, туда, где бездельничали прочие мужчины — за исключением троих, ушедших в джунгли за конановой добычей.

Старейшин оказалось двое: один, совсем немощный старец, лежал на соломенных циновках и дремал, полускрыв глаза. На его морщинистых веках сидели мухи, одна его щека все время подергивалась. Рядом вертелся мальчик лет десяти с опахалом из пальмовых листьев. Он должен был отгонять мух от почтенного старика, однако частенько пренебрегал своими обязанностями ради того, чтобы поковырять в носу или погрызть орехи. Еще у него

был приятель в лице маленькой землеройки, которую он то и дело ловил и угощал маленькими черными тараканчиками — их он выискивал тут же, причем в больших количествах.

Этот старейшина слабо махнул рукой, не желая разбираться в новом деле, возникшем в шумном, бестолковом мире живых. Он уже несколько лет был почти полностью погружен в мир духов, где находились все его друзья и подруги. Вместе с ними он, полный сил и здоровья, ходил на охоту, ловил обезьян, птиц с красивыми перьями, загонял антилоп, которые падали от усталости и глядели в лицо своему убийце прекрасными очами развратных женщин. Вместе с давно ушедшими красавицами он плясал вокруг шеста, увешанного перьями и шкурами, и любовался их сверкающими бедрами, выкрашенными красной краской и обмазанными маслом. В этот танец вмешивались духи, безобразные и прекрасные одновременно, с вечно изменяющимся обликом; от присутствия потусторонних сил делалось радостно, и все тело наполнялось мощью.

Простертый на циновках старик вздрагивал, выгибался, мелко тряс высохшей рукой, а мальчишка скучно глядел на него из угла хижины и зевал во весь рот.

Второй старейшина представлял собой полную противоположность первому: это был довольно бодрый старикан, плотный, прожорливый. У него имелись две жены, и обе не выглядели недовольными. Дети старейшины бродили по деревне. Их было не менее десятка, как уверял самодовольный дед. Первая его супруга давно скончалась, и дети от нее выросли. Некоторые из них погибли в схватках с лесными зверями, а двое здравствуют до сих пор.

Этот старикан осмотрел раненого пришельца с головы до ног, а после, не сказав Конану ни слова, пронзительно закричал:

— Женщины! Бестолковые коровы! Глупые вертихвостки! Почему он истекает кровью? Почему не лежит под крышей? Такой воин! Нам нужен такой воин! Он заплатит нам охотой и подвигами! Он голоден! Он желает женщину!

Он махнул толстой рукой, приказывая Конану удалиться, и откинулся на постель из мягких шкур, где нежился весь день. Этот старейшина считался в деревне воплощением житейской мудрости — в противоположность первому, являвшему собой образ мудрости мистической.

Конана разместили в хижине, стоявшей ближе всех к лесу. Две старухи принялись ухаживать за ним, и одна застенчивая красавица приносила ему еду и питье. Перевязанный листьями, накормленный лепешками, размоченными слюной, Конан чувствовал себя вполне довольным. Любой другой белый на его месте был бы несчастен — если бы вообще остался в живых, но только не киммериец. Вот преимущество «варварского происхождения», которым так любят попрекать его утонченные господа из «цивилизованного» мира. Конан ухмылялся, думая о них. Кое-кого неплохо бы отправить на месяц-другой в джунгли, а потом спросить у того, что останется от них после такого путешествия: «Ну как, приятель? Помогли тебе хорошие манеры? Пригодились прочитанные книги? Использовал ли ты свои философские премудрости, прорубаясь сквозь чащу и сражаясь с дикими зверями?»

Прохладные розовые ладошки гладили его лицо, влажные темные губы ласкали его щеки. Конан в полусне отвечал на эти ласки. Его могучие ручищи хватили мягкое, податливое женское тело, и кто-то гортанно смеялся ему в ухо. Этот смех, похожий на голос влюбленной птицы, оставался с Конаном даже во сне. Наутро, проснувшись почти здоровым, он проникся уверенностью в том, что исцелила его именно любовь черной красавицы — и ничто иное. Хотя старухи с их отвратительными припарками утверждали, естественно, совсем иное.

Как многие дикарки, они были любопытны, смешливы и добродушны. Конан сдружился с одной по имени Мамаса. По ее словам, она произвела на свет восемнадцать детей, и все они достигли взрослого возраста. Этому легко было поверить, глядя на ее высохшие груди, висящие почти до пупа. Мамаса носила жидкую юбку из листьев, подобно всем женщинам: своего племени. Ее кривые ноги уверенно топтали родную землю, ее зоркие маленькие глаза цепко озирали окрестности. За свою долгую жизнь Мамаса никогда не

бывала дальше мили от родной деревни, но уж свою-то территорию она знала как собственную руку.

Старуха прикладывала к ранам Конана — которые действительно загноились, как и предполагал киммериец! — коротких толстых белых червей. Точнее, то были не черви, а личинки каких-то жуков. Эти отвратительные с виду существа, как пояснила Мамаса, питаются разлагающейся плотью, поэтому они отлично отсасывают гной и очищают рану так, как никогда не сможет омыть ее вода. Конан полностью доверял ей в этом.

Она изучила свойства всех трав, растущих на этом клочке земли. Она знала голос каждой птицы, что пели на здешних деревьях. Ни один чужак не прошел бы мимо ее внимания — будь то леопард, сменивший место охоты, будь то антилопа, заблудившаяся в поисках сочной травы, или залетная птица, которая вплела свою песнь в общий хор.

— До чего же ты ладный мужчина, — приговаривала Мамаса, меняя повязку и мимоходом оглаживая мускулистый живот варвара. — Попался бы ты мне в руки урожаев десять назад...

— Так уж десять? — спрашивал Конан, стараясь не смеяться. От смеха у него снова начинала болеть рана на боку.

Мамаса задумывалась ненадолго, а после, махнув рукой, соглашалась:

— Ну, две руки и одна... вот столько урожаев назад!

— Так уж две и одна? — хохотал Конан. — Так недавно?

— Ты грубиян! Как ты смеешь дерзить старой женщине! — притворно возмущалась Мамаса. — Хорошо! Два раза по полной руке урожаев! — Она дважды выбрасывала все десять пальцев, показывая «двадцать».

— Ох, мать, ты была молода в те годы, когда мой дед едва только обрюхатил мою бабу, да и то не моим отцом, а его старшим братом, — стонал от смеха Конан.

— Но уж если бы мы с тобой повстречались тогда, — не моргнув глазом, отвечала Мамаса, — я бы точно не оплошала!

Она рассказывала киммерийцу сказки, которых знала великое множество, и все они были непристойного содержания. Конан слушал, как ребенок. Подобно всем дикарям, он страшно любил истории.

— Вот кушай да слушай, — сказала как-то раз Мамаса, — жил один слепой. Мало что слепой — он был полный дурак и любил все необыкновенное. И все рассказывали ему небылицы, а он верил.

— Прямо как я, — вставил Конан, чуть приподнимаясь на локте, чтобы старухе было удобнее всовывать ему в рот кашу из зерен.

Ее черные сморщенные пальцы хватали кашу из плоской миски и щепотью втискивались между губ варвара. Такой способ кормить больных считался в деревне самым верным — вместе с пищей раненый получал частицу силы мудрой женщины.

— И вот как-то раз, — продолжала Мамаса, — один парень, которому порядком надоел этот слепой, сказал ему: «Я видел, как в лесу, в полудне перехода отсюда, земля провалилась. Стоишь на краю и слышишь, как живут подземные люди. Там птицы кричат, женщины мелют зерно, поют песни. Лично я как раз оттуда иду!»

— Знаешь, Мамаса, бывал я и в подобных местах, — перебил Конан. — Это не сказка. Это было. Это со мной случилось и не раз.

— А, ты болтун, как все мужчины! — Мамаса помахала в воздухе костлявой рукой. — Лучше молчи!

— Ладно, не обижайся. Что сказал на это слепой?

— Слепой? Тебе в самом деле интересно, что он сказал? — Мамаса хитро прищурилась, отчего ее лицо все пошло множеством морщин. — Он сказал: «Мне хотелось бы подойти к краю той трещины да послушать звуки, которые доносятся из подземной страны!» Целый день таскал хитрый парень слепого по лесу, делая вид, что провожает его до расщелины. А потом привел к собственной его хижине. «Мы пришли. Вот здесь начинается подземная страна!» — так объявил хитрый парень.

Слепой прислушался. Кругом кричали птицы, женщины перетирали зерно. «Ой, как интересно!» — закричал глупый слепец и захлопал в ладоши, и закружился на месте, танцуя. Тут парень стукнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали другие жители той деревни и спросили, что же случилось, он пал перед ними ниц и закричал: «Я прошел к вам, в подземный город! Дозвольте мне жить среди вас!» И вдруг...

Старуха остановилась, пожевала губами, словно вспоминая что-то.

— Не мучай меня! — вскричал Конан и поперхнулся кашей.

Старуха отдернула руку.

— Шальной! Ты мне чуть пальцы не откусил!

— Я тебе голову откушу! — пригрозил киммериец. — Заканчивай историю.

— А! Вдруг слепец услышал, как хохочет его жена, которую он считал недостойной дурой, и спросил: «Жена! А ты-то как здесь оказалась?»

Конан фыркнул. Старуха смотрела на него, очень довольная.

Другие ее истории тоже по большей части касались приключений различных слепцов и калек. Здесь, в джунглях, где потерять глаза или конечности было проще простого, к увечьям относились просто. И сами калеки, забросив копья и луки со стрелами, становились рассказчиками и певцами. Их любили слушать и хорошо угощали.

— Кто из твоей родни был слеп, Мамаса? — спросил Конан, которому хорошо был известен этот обычай черных племен.

— А, ты и об этом догадался! Ты умный мальчик. Может быть, ты — мой сын? — Мамаса прищурилась. — Я родила так много детей, что не всех помню. Может быть, кто-то из них и был таким белым...

— Ты не могла быть моей матерью, — сказал Конан. — Ты была уже старухой, когда моя мать только входила в возраст и начала носить золотые украшения.

— А! Глупый белый дурак! — притворно обижалась Мамаса. — Та красивая черная девочка, что приходила к тебе ночью, — она тоже вышла из моих чресел...

— Скорее, из чресел твоей внучки, — сказал Конан. — Ну так кто из твоей родни был слеп?

Мамаса поглядела на киммерийца хитро, а потом дала ехидный ответ:

— Все!

Так Конан и не узнал этого.

* * *

Первые признаки беды явились в деревню, когда Конан уже начал вставать на ноги и набираться сил. Он становился крепче день ото дня, однако покидать своих гостеприимных хозяев не собирался. Старейшины не возражали: дети, рожденные от такого мощного мужчины, будут отличными охотниками, а сам он принесет деревне немалую пользу, выходя в джунгли вместе с прочими мужчинами племени.

Шкуру убитого Конаном леопарда повесили в хижине младшего из старейшин. Впрочем, киммериец не интересовался ее судьбой. Главное — его собственная шкура заживала и рана на боку больше не беспокоила его.

Он весело болтал с женщинами, валяясь на траве рядом с ними, пока они занимались обычной домашней работой. Быстро мелькали округлые черные руки, поблескивали белки больших влажных глаз, посверкивали улыбки. Конан тянул слова, подражая Мамасе.

— Один слепец решил провести ночь с шаманкой. Ему сказали, что приведут к нему прекрасную шаманку, облаченную в шкуры и перья, которая своей любовью дарит неслыханную мужскую силу. И вот слепец украл из дома большую ляжку антилопы и печень зебры, которую его жена хотела приготовить на большой праздник, и отправился в лес, где, как ему сказали, ждет его шаманка.

А жена слепца узнала об этом и пошла по следам мужа, повесив себе на бедра перья

петуха. Когда слепец забрел в лес достаточно далеко, женщина вдруг выступила перед ним и схватила его за руку. Слепец ощупал ее и заметил перья. Он решил, что перед ним и впрямь шаманка...

Женщины смеялись, не переставая вертеть жернова.

И вдруг все замерло. Конан увидел, как его слушательницы разом повернули головы в сторону джунглей. На мгновение они молча разглядывали то, что выступило из гущи леса, а затем с визгом разбежались, побросав на земле и зерно, и зернотерки, и глиняные плошки. Конан медленно поднялся на ноги и обернулся.

Из леса вышел рослый черный человек с раскрашенным лицом. Образина, которую представляло собой его лицо, выглядела страшно: огромный оскаленный рот, вытаращенные красные глаза, синие зигзаги на выбеленных щеках. На голове у него была корона из перьев и костей, на шее — ожерелье из черепов мелких животных, бедра опоясывала волчья шкура.

В руке он держал шест, опоясанный лентами, перьями и бубенцами. Все это было выкрашено побуревшей кровью.

Подняв шест, он несколько раз сильно потрянул им в воздухе и закричал. Звук этот, гортанный, сдавленный, вырывался, казалось, не из человеческого горла, а откуда-то из утробы, где рождаются самые страшные и низменные чувства.

— Манури! Манури! — кричали повсюду.

Конан озираясь по сторонам, быстро соображая, как же ему быть. Затем увидел Ньясу, который делал киммерийцу отчаянные знаки. Одним прыжком Конан подскочил к нему.

— Манури! — зашептал Ньяса. — Берегись!

— Кто это?

— Шаман. Время от времени он приходит к нам и забирает еду и девушек.

— Почему?

— Бойся его! Его все боятся!

— Только не я! — сказал Конан. — Я достаточно оправился, чтобы свернуть ему шею!

И киммериец сделал движение, намереваясь выйти вперед и расправиться с этим Манури по-своему. Ньяса повис у него на локте, болтая в воздухе ногами.

— Нет! Нет! Когда ему противоречат, он насылает на деревню злого духа. Злой дух прилетает из ночи и пожирает нас.

— Всех? — иронически поинтересовался Конан.

— Не смейся! Не надо шутить! Он хватает первого попавшегося, и нет спасения от этого злого духа!

— Не можем же мы отдать ему урожай и красивую девушку? — продолжал упорствовать Конан. Эти смешливые люди нравились ему, и он не собирался допустить, чтобы какой-то размазанный урод отбирал у них с таким трудом выращенный хлеб. А мысль о судьбе девушки наполняла киммерийца гневом. Эти ласковые красавицы прочно заняли место в большом сердце Конана.

— Молчи! Молчи! — умоляюще бормотал Ньяса. Однако Конан уже освободился от его хватки и широкими шагами направился в сторону шамана.

— Эй, ты! — вызывающе крикнул Конан. — Я — Конан-киммериец! А ты кто такой?

— Манури! — громогласно проревел шаман. — Меня послал дух! Дух голоден! Дух желает лепешек, мяса и женщину!

— Один слепец тоже хотел мяса и женщину, — начал Конан. — Вот как-то раз отправился он на рыночную площадь, решив выдать себя за духа, но одна ловкая женщина, которой глянулись золотые украшения на шее слепца...

— Мне нужны мясо и женщина! — закричал Манури и сильно затряс своим шестом. — Через шесть дней три убитых антилопы и две молодых красавицы должны ждать здесь, иначе дух будет прогневан!

Он шагнул назад и растворился в чаще леса. Конан помчался за ним следом. Поначалу он еще различал шаги шамана — то примятая трава, то разорванные лианы, но затем всякие следы зловещей фигуры исчезли, словно их никогда и не было.

Конан огляделся по сторонам. Он не собирался возвращаться в деревню ни с чем. Не было еще такого случая, чтобы какой-нибудь злой дух одерживал над киммерийцем верх. На всякого злыдня найдется управа — так полагал варвар. Пусть надеяться ему не на кого — из чернокожих подмога плохая, слишком уж они напуганы! — он этого дела просто так не оставит.

Шаг за шагом углублялся Конан в джунгли, которые с такой неохотой выпустили его из своих смертоносных объятий. Киммериец чувствовал себя достаточно здоровым и сильным, чтобы пуститься в новое путешествие.

Снова и снова осматривался он вокруг в поисках малейшего намека на следы. Не мог же шаман провалиться сквозь землю! Подземные города существуют только в сказках старухи Мамасы... Впрочем, Конан и сам повидал на своем веку разные дива. Может быть, не все рассказы — пустые. Куда-то же Манури должен был провалиться...

В том, что шаман — не дух, а самый настоящий человек, пусть и предавшийся злему духу, у Конана сомнений не было. А люди, хоть добрые, хоть злые, ходят по земле и оставляют следы.

— И даже если они летают по воздуху, — пробормотал киммериец, с улыбкой разглядывая измятую лиану, свисающую со ствола ближайшего дерева, — то все равно следы остаются.

Он ухватился за лиану, оттолкнулся от ствола и полетел вперед.

— А здесь он приземлился, — добавил Конан, увидев в мягкой почве глубокие отпечатки. — Отлично! Теперь я знаю, куда он пошел...

— Я тоже, — раздался голос почти над самым его ухом.

Конан подпрыгнул так, словно его в пятку ужалила ядовитая земляная оса. Голос был женский. Он выговаривал слова со странно-знакомой интонацией. И на бритунийском. Словом, это было то, что Конан не ожидал здесь услышать ни в коем случае. Рык пантеры, гул барабанов войны, яростные вопли дикарей, завывание злого духа — что угодно, только не женский голос и не бритунийский язык.

Несколько секунд варвар хватал ртом воздух. Из чащи леса выступила... Зонара. Старая знакомая Конана по нескольким приключениям, неунывающая воровка, которую несколько раз едва не казнили на эшафоте, а уж сколько раз она избегала смерти во время своих головокружительных походов в погоне за ускользающим богатством!

Зонара была одета в коротенькую тунику из мягкой коричневой ткани, голову ее охватывал блестящий платок, из-за плеча высывалась рукоять меча, который был явно великоват для девушки. На поясе ловко сидели в ножнах три кинжала.

— Зонара! — прошептал Конан, не веря собственным глазам.

— Ох, Конан, Конан! — Зонара пустилась в пляс, исполнив вокруг пораженного киммерийца боевой танец собственного изобретения. — Конан!

Она повисла у него на шее, извиваясь и обхватывая бедра киммерийца ногами. Когда-то Зонара была цирковой акробаткой и время от времени обожала упражняться, избрав партнера в качестве гимнастического снаряда.

— Пусти! — отбивался Конан. — Отстань, змея!

— В каком смысле — змея? — притворно возмущалась Зонара, обвивая шею Конана горячими руками и засматривая ему в лицо. — Ты хочешь сказать, что я коварна?

— Дорогая Зонара, ты коварна и гибка. Если бы не руки-ноги, я бы сказал, что ты — небольшая рогатая гадюка.

— Ну уж и гадюка! Конан!.. — капризно тянула Зонара. По всему было видно, что она вне себя от радости от встречи с киммерийцем.

— Смертоносна и прекрасна, — сказал киммериец, доказывая, что и он умеет быть любезным.

Зонара смирилась с комплиментом.

— Ладно, — смилостивилась она и разжала объятия. — Так и быть, расскажу, что я здесь делаю. Ты ведь жаждешь это услышать?

Конан неопределенно пожал плечами. На самом деле от Зонары можно было ожидать чего угодно, и «жаждать» каких-либо объяснений от взбалмошной авантюристки ему не приходилось. К тому же он знал, что она не утерпит — расскажет ему все сама, без лишних просьб с его стороны.

— Слушай, — заговорила Зонара уже серьезно. — Здесь, в джунглях, находится Зевгма — заброшенный город. Говорят, его основали лемурийцы...

— Лемурийцы? — Конан скептически нахмурился. — Ты ничего не перепутала, Зонара? Лемурия слишком далеко отсюда.

— Говорят, — с нажимом повторила Зонара. — Ты меня слушаешь? В точности я ничего пока не знаю. Но говорят, что без лемурийцев здесь не обошлось. Кстати, представь себе ситуацию. Ты, друг Конан, бродишь по этим джунглям — и вдруг тебе в голову ударяет фантазия основать здесь, среди непроходимых чащоб, симпатичный городок. Наполнить его сокровищами, нагнать сюда красивых танцовщиц, устроить тут роскошную жизнь... Понимаешь? Потом ты умрешь, все здесь зарастет травой и сорняками, а спустя много лет какие-нибудь искатели, вроде нас с тобой, наткнутся на него и будут рассуждать: «Здесь? В Черных Королевствах? Город, основанный киммерийцами? Но это невозможно!»

— Хватит, Зонара! — не выдержал варвар. — Я больше не могу слушать твою болтовню. Переходи сразу к делу или убирайся. Джунгли большие, мы в состоянии разойтись так, чтобы больше не встречаться. По крайней мере, здесь. До встречи в Бритунии. Или в Офире.

И он повернулся, делая вид, что сейчас же уходит.

Зонара взвизгнула и схватила его за руку.

— Нет, подожди! Я серьезно! Тут большое дело, Конан!

Он нехотя остановился.

— Говори, только быстро! — угрожающим тоном велел он.

— Зевгма — древний город, потерянный в этих джунглях. Кто основал его на самом деле — конечно, неизвестно. Насчет лемурийцев — это моя догадка...

Конан тихо, сквозь зубы, зарычал, и Зонара поспешно оставила опасную тему.

— Сокровища! — выпалила она. — Развалины, почти совершенно поглощенные джунглями, а в них, под колоннами, в руинах дворцов, — бесчисленные сокровища!

Конан стал серьезен. Он видел, что Зонара действительно где-то раздобыла очень важные сведения.

— Рассказывай, — велел он. — Я помогу тебе. Точнее, я обещаю, что когда разделаюсь с моим делом, то помогу тебе.

— Тебе — одну треть! — обещала она и облизала губы.

— Разумеется, я оставлю тебе половину, — добавил киммериец небрежно.

Зонара тихо зашипела.

— Там столько, что хватит осчастливить всю Киммерию, да еще останется парочке офирцев, — сказала она, махнув рукой. — Бери себе половину.

— Где ты слышала о Зевгме? — требовательно спросил Конан.

— В Офире. У меня там были дела. Нет, не то, что ты подумал, — быстро добавила она. — Я выступала на местном празднике. Танцевала с лентами — это очень красивый номер. К несчастью, один человек меня узнал... К сожалению, он довольно уважаемый гражданин... И богатый... И влиятельный... Словом, мне пришлось спешно уносить ноги вместе с моими лентами.

Я нашла убежище у местной воровской гильдии. Эти добрые люди всегда готовы помочь женщине. Кроме меня, там гостил еще один человек. Он выглядел оборванным и совершенно безумным. Они не столько слушали его рассказы, сколько потешались над ним. Ради того и кормили, и оберегали, однако новую одежду ему не давали — их изрядно веселил его внешний вид. Часть его одежды была сплетена из засохших лиан, часть представляла рванину, а на голове он носил кусок коры. Представляешь?

— Представляю, — сухо сказал Конан. — Дальше, дальше!

— Этот человек — его звали Гиспал — рассказывал, что за ничтожную провинность был продан на галеры, откуда сумел бежать. Их корабль потерпел крушение, и некоторым рабам удалось спастись. Он долго скитался по Черным землям, пока не вышел к разрушенному городу. Там он видел сокровища. Бессчетное число сокровищ. Он взял только одно кольцо.

— Он показывал это кольцо? — спросил Конан.

— Да, да! — воскликнула Зонара. — Вот оно! И она протянула вперед руку. На ее пальце сверкнуло золотое кольцо. По всему пальцу тянулись изогнутые золотые проволочки, усыпанные драгоценными камнями, зелеными и красными, а в самом центре кольца, оплетенный этими проволочками, сверкал гигантский изумруд.

— Ты украла у безумца его достояние? — опасным тоном осведомился Конан. Если посмеиваться над уродами и сумасшедшими варвар не находил зазорным, то обкрадывать их и лишать пищи было в его глазах великим преступлением.

— Да нет же! — Зонара топнула ногой. — Если ты дослушаешь мой рассказ до конца, ты будешь думать обо мне не так плохо, как обычно!

Конан кивнул. В конце концов, он действительно сделал преждевременный вывод.

— Гиспал твердил и твердил про заброшенный город, про развалины, лианы, джунгли, лихорадку, змей, обезьян...

— Да, да, Зонара. Все это мы в изобилии видим вокруг.

— Он рассказывал о Зевгме с большими подробностями. У меня не осталось никаких сомнений в том, что он на самом деле побывал в странном месте. Что это не бред сумасшедшего. Я проверяла много раз. Он никогда не сбивался.

— Бред иногда бывает убедительным, — вставил Конан.

Зонара махнула рукой.

— В общем, я вошла с ним в долю, и мы отправились вдвоем сюда — разыскивать Зевгму, — заключила она, явно упуская целый ряд подробностей, которые сама акробатка находила весьма важными.

— Зонара, у меня есть несколько вопросов к тебе, — сказал Конан.

— Валяй, — отозвалась она.

— Почему он взял в развалинах только одно кольцо?

— Потому что его спугнул живущий там ужас. Вот почему! — ответила Зонара, явно торжествуя.

— Как выглядел этот ужас?

— Нечто. Большое, черное, с горящими глазами. Это дух, как утверждал Гиспал. Он вылетел из руин и принялся кружить над спящими камнями. И еще он испускал странный звук, от которого кровь стынет в жилах.

— Рычание?

— Тихий, тонкий писк. Проникающий в мозг, как игла, — так говорил Гиспал.

— Понятно, — пробормотал Конан.

— А, теперь ты мне веришь! — возликовала Зонара.

— Я с самого начала не сомневался в том, что твой рассказ — не выдумка, и что Гиспал не сошел с ума... Кстати, где он?

— Погиб, — сказала Зонара с видимым равнодушием. — Он был верный и добрый спутник, и не думай, Конан, что я не оплакивала его. По-своему я его любила.

— Уверен, — сказал Конан. — Ты всех любишь.

— Да! — с вызовом ответила она. — Мы нашли Зевгму. Точнее, мы видели ее издалека, но тут случилось непредвиденное. Из развалин при свете дня вышел не злой дух... Точнее, не тот злой дух, которого видел Гиспал в свое первое появление. Какой-то другой. Обычно злые духи по ночам почивают — так я думала. Но этот преспокойно разгуливал. Он был черный, рослый, с ужасным лицом и короной из костей и перьев на голове...

— Это не дух, — сказал Конан. — Я видел его.

— Ты? — Зонара округлила брови. — О, Конан! Ты бесценный человек!

И она прижалась всем своим горячим, трепещущим телом к широкой груди киммерийца.

— Чему ты радуешься? — спросил Конан, слегка отстраняя ее от себя.

— Ну, это же очевидно! Ни один служитель зла не уходит живым после встречи с тобой! Надеюсь, ты убил его?

— Нет, — признался Конан. — Сейчас я бежал по его следу. Меньше всего я ожидал, что встречу вместо этой образины — тебя.

— Мог бы сказать — твое хорошенькое личико, — надула губы Зонара.

— Трудно встретить личико в отрыве от всего остального туловища, — задумчиво проговорил киммериец. — Впрочем, мне доводилось видеть и такое...

Зонара хлопнула его по руке.

— Все-таки ты грубиян, — вздохнула она. — Но я люблю тебя. Ты великолепен, Конан!

— Рассказывай лучше о шамане, — велел он.

— О шамане? В общем, он выскочил из руин и, завидев нас, метнул копье. Это вышло совершенно неожиданно. Он не сказал ни слова, не сделал ни одного угрожающего жеста. Просто сразу взмахнул рукой, и копье полетело в бедного Гиспала. А я убежала. И вот я здесь, совершенно одна — белая женщина, потерянная в джунглях...

— Ужасная ситуация! — поддакнул Конан, однако в его синих глазах уже прыгали искры. — Почему-то мне не хочется тебя жалеть, Зонара!

— Это потому, что я — везучая, — сказала она, снова ласкаясь к киммерийцу. — Давай сделаем небольшую остановку и отдохнем. Честное слово, мы заслужили немного приятных минут.

— Нам некогда, Зонара, — предупредил Конан. — Шаман уже побывал в том селении, где я живу.

— О! Ты живешь теперь с неграми? Поздравляю! — Зонара фыркнула. — Надеюсь, ты обрел свой постоянный дом и счастье, к которому так стремился?

— Не надо шутить, Зонара. Естественно, я живу здесь временно. Но это добрые люди, и они помогли мне. Шаман зашел туда сегодня утром и потребовал дани для своего духа. Он служит, я думаю, тому самому духу, которого бедняга Гиспал видел в первый раз, ночью.

— Ну так пусть заплатят! — сказала Зонара. — Нам-то что.

— Он потребовал девушек для духа, — пояснил Конан. — Я не могу допустить, чтобы эти женщины расстались с жизнью таким ужасным образом.

— Это ведь происходит уже не в первый раз, — заметила Зонара. — Они, наверное, привыкли.

— Дорогая Зонара, я понимаю, что ты успела привыкнуть к тому, что тебя время от времени осуждают на смертную казнь или подвергают пыткам за твои проделки, но к смерти привыкнуть нельзя.

Она покривила хорошенькие губки.

— Ладно, будь по-твоему, Конан, — согласилась она со вздохом. — Все равно этот дух не даст нам покоя. Невозможно вынести сокровища из города, где гнездится эдакое чудище.

— Идем, — сказал Конан, хватая ее за руку. — Покажешь, где эти развалины.

* * *

Везде, где человек был вынужден отступать перед натиском дикой природы, корни деревьев и трава поглощали всякий след присутствия чужака. Но далеко не всегда это происходило с такой глубинной яростью, как здесь, в потерянном городе Зевгма. Неизвестно, кто основал его много тысячелетий назад. Возможно, Зонара права, и это действительно сделали лемурийцы — какие-нибудь странники, заблудившиеся в джунглях и

отчаявшиеся когда-либо вернуться на родину. Оставалось в любом случае загадкой — откуда взялись у них те самые сокровища, которые таились в руинах. Гадать об этом Конану представлялось пустой тратой времени. Главное — сокровища здесь и до них можно добраться.

А заодно уничтожить и злого духа и шамана, выполняющего его волю.

Густые заросли почти совершенно скрыли город от человеческих глаз. С того места, где притаились Конан и Зонара, видны были только сплетения зеленых трав, однако опытный глаз киммерийца то и дело выхватывал многозначительные детали: тут — странный камень с острыми гранями, который явно подвергался когда-то обработке; там — обломок резьбы по кости, в незапамятные времена украшавшей стены дворца...

— Это здесь, — прошептала Зонара. — Теперь ты убедился?

Конан безмолвно кивнул. Он раздумывал — как лучше поступить? Зонара опять заговорила, решив все первой за них обоих:

— Я пойду туда на разведку. Тебя шаман видел, меня — нет. Если он меня и заметит, то не догадается, что мы связаны.

— Конечно, — проворчал Конан. — Двое белых в стране черных совершенно случайно оказались в одном и том же месте. Разумеется, они никак не связаны между собой.

— А ведь это на самом деле так! — хихикнула Зонара.

— Жизнь порой корчит весьма странные гримасы, — согласился Конан. — И все же вряд ли и поверит в то, что мы с тобой не сообщники. Берегись, Зонара! Этот человек служит злу и он очень опасен.

— Мне не впервой, — самоуверенно заявила женщина. — Я ловчее тебя, Конан. Уж прости, что говорю тебе это. Но я — гибкая, шустрая... А ты — громила.

Это было несправедливо; Конан, несмотря на массивное сложение, умел двигаться бесшумно, с грацией дикой кошки.

Тем не менее он уступил. Он не любил спорить с Зонарой — всегда выходило себе дороже. Пусть сама в очередной раз убедится в том, что без поддержки Конана способна на немногое.

Киммериец махнул рукой:

— Иди. Надеюсь, на этот раз тебе повезет больше, чем обычно.

Зонара зашипела и исчезла в зарослях. Конан покачал головой, глядя, как шевелится трава там, где только что стояла гимнастка:

— Рогатая гадюка. Как есть!

Хотелось ему, чтобы так оно и было на самом деле. К сожалению, Зонара была всего лишь человеком из плоти и крови, женщиной, пусть даже очень тренированной и гибкой. В довершение всего она была довольно невезучей.

Поначалу Зонара только посмеивалась про себя, вспоминая скептические взгляды киммерийца и его иронические замечания в ее адрес. В конце концов, у нее хватило проницательности поверить бедному Гиспалу и отправиться с ним в это опасное путешествие! Не ее вина, что шаман первым поразил Гиспала. Не такая уж она бедняжка, как это воображает Конан. И на этот раз ей непременно повезет.

Она глянула на кольцо, горевшее у нее на пальце ярко и... немного зловеще, как почудилось вдруг Зонаре. Однако она немедленно отогнала эту мысль как пустую. Кольцо — самое обыкновенное, не магическое. Оно не может обладать собственной волей и уж тем более — навязывать свою волю носителю. Насчет кольца Зонара нарочно советовалась с одним знающим человеком в Офире. Он определенно сказал: вещь дорогая, убить за нее вполне могут, но никакой магии.

И все же луч солнца, пробившийся сквозь густую листву, упал на изумруд и зажег в его гранях пламя. Зонаре это не понравилось, и она перевернула кольцо камнем к ладони.

Она осторожно кралась среди деревьев, стараясь ступать так тихо, словно пробралась в чужой дворец, где намерена пожить. Собственно говоря, так оно и было на самом деле. Только дворец этот лежал в развалинах. Время почти сравняло его с землей.

Внезапно Зонара увидела впереди какую-то фигуру, похожую на человеческую, и замерла.

Фигура также не двигалась. Стояла и смотрела на женщину в упор неподвижными, мертвыми глазами. Холодок пробежал по спине у Зонары, несмотря на то, что день был жарким — даже здесь, в тени густого леса.

Прошло несколько минут, прежде чем Зонара решилась сделать еще несколько шагов. Фигура не пошевелилась.

Зонара осторожно продвинулась ближе. Никакой реакции. Неожиданно женщина поняла, в чем дело: перед ней была статуя. Она тихонько рассмеялась и подбежала к скульптуре вплотную, чтобы хорошенько рассмотреть ее.

Статуя, изваянная из серого пористого камня, много лет подвергалась воздействию дождя и ветра — она должна была рассыпаться в прах столетия назад и все же еще держалась. Она изображала женскую фигуру с нарушенными пропорциями — вытянутыми и слишком пышными бедрами, огромными свисающими грудями, грубым лицом, которое, тем не менее, обладало странной притягательностью. Пустые глаза лишённые зрачков следили ни за кем в отдельности — и сразу за всеми. Из пупка каменной женщины рос живой цветок. Что-то в этом показалось Зонаре странным. Она долго разглядывала статую, пытаясь понять, почему она вызывает у нее трепет, граничащий со страхом. И вдруг осознала: живой цветок был здесь совершенно неуместен. Это был речной цветок, лотос или лилия, странной тигровой окраски. Цветок-хищник. Почему он вырос из статуи? Что питает его?

Зонара осторожно приложила ухо к груди статуи. Внутри она расслышала журчание воды. Невероятно! Там, прямо в статуе, бил родник.

Но это ведь невозможно... Камень давно бы размыло...

Все-таки это место сохраняется благодаря какому-то чародейству. Зонара ощущала это всем своим естеством. Каждый волосок на ее теле поднялся дыбом, как у кошки, которая увидела призрака. Она послала мысленное проклятие «знающему человеку» из Офира. Он ничего не понимает в древних чарах! Даром ест свой хлеб. Только на то и годен, чтобы предсказывать богатых мужей глупым толстым вдовушкам.

Зонара поцеловала статую в щеку — она не знала, как еще выразить почтение богине (теперь девушка не сомневалась в том, что перед ней не просто изображение, но некое материальное воплощение божества древних лемурийцев).

Затем она отступила на шаг, и в этот миг чьи-то руки грубо схватили ее. Один из нападавших зажал ей рот, другой скрутил запястья, третий сильно ударил под колени. Зонара упала, отбиваясь яростно и молча. Она укусила за ладонь того, кто пытался заставить ее молчать, и сдавленно крикнула несколько раз, чтобы предупредить Конана. Гортанно ругаясь, невидимый нападавший впился пальцами ей в горло.

Она захрипела и вдруг обмякла. У нее не осталось сил сопротивляться.

Ей заткнули рот кляпом из горькой травы, отчего у Зонары сразу потекла слюна, пачкающая одежду. Защищало кожу на подбородке. Зуд становился все более невыносимым, однако поднять руку и почесаться она не могла — ей связали за спиной локти, а ноги спутали и так потащили за собой куда-то в глубину потерянного города Зевгма.

Зонара отчаянно пыталась дотянуться до кольца, чтобы снять его с пальца. Если эти люди — служители древней богини, они сочтут святотатством желание чужеземки носить кольцо, принадлежащее этому месту.

«О Белит, кто же они такие? — мысленно взывала Зонара к богине-воительнице, которую иногда вспоминала в особо тяжелые моменты своей жизни. — Гиспал, бедняга, не упоминал ни о каких служителях! Он и о богине не упоминал. Наверное, не видел ее. Заметил в развалинах кольцо, схватил — и бежать! Да, он же был здесь ночью. Наверное, на кольцо упал лунный луч».

Зонара замычала и замотала головой, всем своим видом показывая — она надеялась, убедительно, — что желает поговорить с этими людьми, убедить их в том, что не желала дурного... Возможно, они согласятся выслушать ее, поймут, что в ее намерениях нет ничего

предосудительного (мысленно она уже считала себя поклонницей великой лемурийской богини, которая прослышала о святине еще в Офире и с великими трудностями добралась до места, дабы воздать ей почести!). Однако стражи Зонары не проявляли к ней ни малейшего интереса. Они волокли ее за собой/ как козу на убой.

Она исподтишка разглядывала их. Это были черные, очень рослые люди с морщинистой кожей, которая, казалось, была с трудом натянута на широкие мослы. Живые скелеты, подумала Зонара. Прикосновение их рук было неприятным — шероховатым, горячим. В нем не ощущалось обычного человеческого тепла. Их черные глаза выглядели так, словно были лишены белка. Они смотрели слепо, без выражения, совершенно равнодушно — как будто эти люди находились далеко за гранью обычного земного бытия. Их зубы были выкрашены красным. Они непрерывно жевали, и Зонара подумала, что это — особый наркотик, слабодействующий, но при постоянном употреблении приводящий к полному изменению человеческой личности. Человек начинает жить в ином мире и видит духов — тех, кого желает видеть. Если лишить его зелья, он попросту погибнет, растерзанный своими вышедшими из-под контроля видениями.

Что говорить, Зонаре опять не повезло! Нет проку в том, чтобы умолять безумцев. Они попросту не замечают ее. Она — какая-то часть их видений, а какая — этого ей никогда не узнать. Ей оставалось только надеяться на то, что Конан слышал ее призывы.

Черные морщинистые люди притащили ее на край поляны, Здесь громоздились кучи камней, вывороченных из земли. На некоторых еще заметна была резьба: сплетающиеся клубки змей, образующие странные узоры; солнечный круг, превращающийся в змею, кусающую себя за хвост; искаженные лица людей с распахнутыми ртами, откуда выползают целые пучки извивающихся рептилий... Под ногами Зонары распахнулась пропасть. Она увидела яму, дно которой, казалось, соприкасалось с преисподней. Там жила чернота. Сплошной мрак, откуда нет выхода.

Зонара съежилась и забилась в руках стражей.

Она мотала головой и взглядами умоляла не бросать ее в эту земную пропасть. Однако они, судя по всему, и не собирались этого делать. Они остановились на краю и принялись бить в тамтамы. Звук этот разнесся по всему потерянному городу и долго еще носился среди деревьев, отражаясь от камней и далеких скал. В ответ на призыв из чащи леса выступил шаман.

Теперь Зонара получила «счастливую» возможность рассмотреть вблизи жуткую образину, облаченную в зловещий наряд. Она увидела и черепа животных — один, свисающий низко, чуть разинул пасть, как будто и после смерти пытался укунить висающий складками тощий живот своего убийцы! — и кости и перья в короне, и костяные браслеты на высохших руках, и главное — страшные, глядящие как бы из потустороннего мира глаза, глаза человека, живущего в смерти и высматривающего добычу прямо оттуда!

Зонара застонала. Стражи бросили ее к ногам шамана и отступили, продолжая постукивать по туго Натянутой коже барабанчиков. Этот звук проникал глубоко в уши, застревал в голове, не давал сосредоточиться. Он не позволял Зонаре думать и трезво, оценивать происходящее. Она просто боялась, вот и все. Она, такая хитрая, ловкая и умная, превратилась в комок трепещущей плоти.

Шаман наклонился над ней и выдернул кляп у нее изо рта.

— Кто вы? — пробормотала она. — Клянусь, я пришла поклониться богине...

Шаман проговорил несколько слов на своем языке. Зонара вдруг услышала у себя в сознании тихий голос, произносящий отчетливо, без всякого выражения:

— Ты забралась в потерянный город. Ты будешь пищей для нашего духа. Отвратительная белая женщина! Твою кожу, похожую на кожу червяка, обглодают зубы нашего духа.

— Кто вы? — закричала она хрипло и закашлялась, выплевывая сгустки зеленой травы. — Чем вы здесь занимаетесь? Богиня! Услышь меня, богиня!

Разумеется, никакая богиня ее не слышала — здесь не было никакой богини.

Потрявоженный тамтамами и криками дух зашевелился в глубине руин — до людей донеслось дуновение потустороннего ледяного ветра, несущего с собой зловоние смерти. От ужаса Зонара едва не обмочилась.

— Мы охраняем духа, — говорил голос у нее в сознании. — Мы его служители. Мы стережем сокровища. Ты ведь пришла за ними, отвратительная женщина с белой кожей? Ты ведь пришла за ними!

Шаман склонился над Зонарой и, больно дергая ее вывернутую руку, сорвал с ее пальца кольцо. На руке девушки остался длинный кровавый след.

Высоко подняв кольцо и как бы показывая его зеленому своду, шаман прокричал несколько слов, которые вызвали настоящую бурю. Лес взорвался криками и грохотом барабанов. Бесчисленные босые ноги шлепали по земле, руки трясли копы с колокольцами и стучали в тамтамы, глотки исторгали гортанные вопли.

Зонара больше всего на свете хотела бы сейчас зажать уши. По ее локти стягивала кусачая веревка, и ее сознание мучительно страдало, терзаемое оглушительными звуками.

Тем временем несколько негров бросились на землю перед шаманом. Зонара сперва не поняла, что происходит. А они, повинаясь жесту своего предводителя, стремительно принялись за работу. Зонара никогда прежде не видела, чтобы люди трудились так быстро. Их черные руки мелькали в воздухе с огромной скоростью — Зонаре даже не удавалось толком отследить движения. Все сливалось перед ней в сплошном мелькании. Постепенно она начала понимать, чем они занимаются. Из прутьев и лиан они мастерили клетку. Совсем небольшую — чтобы в ней поместился скорченный человек. У пленницы не было сомнений в том, для кого эта клетка предназначена. Она изогнулась всем телом и отчаянно заверещала, словно пойманная в ловушку росомаха, но на подручных шамана это не произвело ни малейшего впечатления. Они даже не заметили ее крика. Они продолжали работать с нечеловеческой быстротой и полным равнодушием к происходящему вокруг.

И скоро клетка была готова. Шаман схватил Зонару за волосы и втолкнул туда. Ей пришлось поджать ноги и притиснуть их к груди, чтобы поместиться. Иначе — шаман показал ей это с отвратительной ухмылкой — все «лишнее» будет отрезано острым ножом. Руки невыносимо болели. Ныли локти и плечевые суставы. Вербка врезалась в тело все глубже, причиняя страшную боль. Зонара тихонько подвывала и стучалась виском о плетеную решетку. Она подумывала о том, чтобы перегрызть прутья, но когда попыталась сделать это, то обнаружила, что волокна очень плотны. Она едва не сломала зуб.

Однако теперь — в этом не оставалось сомнений — Конан предупрежден об опасности. Если он и не слышал криков Зонары, то гром тамтамов не мог не достичь его слуха. Киммериец начеку. Он придет и выручит ее. Он всегда приходит, думала Зонара. В тоске она погружалась в сон, но по-настоящему заснуть не могла: больное тело всякий раз вырывало ее из небытия и заставляли возвращаться к страшной реальности.

А солнце совершало свой обычный путь по небосводу, чтобы затем внезапно, как это обычно бывает на юге, скрыться за горизонтом и оставить мир во власти глубокой ночной тьмы.

И духа, таящегося в развалинах потерянного города.

* * *

Позднее Конан пытался убедить себя в том, что проклятые дикари не нашли бы его, притаившегося в зарослях, если бы он сам того не захотел. Но это была неправда. Они подобрались незаметно — вот в чем дело. И «проклятыми дикарями» киммериец называл их не потому, что они были черными, обнаженными, вымазанными белой глиной и разрисованными соком раздавленных растений. Конан и сам был горазд на подобные вещи. Нет, в самих этих людях он ощущал нечто первобытное, сверхъестественное недоступное даже его варварскому рассудку. Возможно, они находились в полной власти демона, Конан в

точности не знал. Он только улавливал мощные эманации зла, исходящие от этих людей.

Нет, он не испугался. Он знал, что злые духи существуют, и не раз одерживал над ними верх. И сейчас неприятным было только одно: они все-таки ухитрились подобраться к нему незамеченными.

Вопли Зонары достигли ушей Конана уже давно, и он таился, обдумывая, как освободить ее. Кроме того, сообщница предупредила его о том, что в развалинах, помимо шамана и духа, обитают какие-то люди.

Они навалились на пего целой толпой. В отчаянной схватке Конан успел сломать одному шею, а другому — руку, так что разрисованный дикарь с отчаянными криками покатился по земле, трясая в воздухе конечностями. Остальные, скаля зубы, набросились на варвара и прижали его к траве. Конан тяжело перевел дух. Его могучая грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Дикари с устрашающей быстротой связали Конана веревками, сплетенными из лиан, и принялись ходить вокруг поверженного пленника, притоптывая по земле в каком-то ужасном, противоестественном ритме, который — как показалось Конану — сбивал человеку дыхание, заставлял сердце биться с переборами.

Нет уж, такому не бывать, решил про себя киммериец. Он набрал в грудь побольше воздуха и заорал боевую киммерийскую песнь, вызывая к Крому, духам павших предков, к своему мечу, к крови врагов. Это громовое пение заглушало стук тамтамов, доносящийся, как казалось, отовсюду. И сбивало дикарей с ритма. Вот один из них споткнулся и едва не упал, а второй налетел на танцующего впереди. Строй сломался. Перья, украшающие спутанные курчавые волосы подручных шамана, затряслись, словно в испуге.

Один из дикарей подскочил к простертому на земле киммерийцу и затряс перед его лицом тощим жилистым кулаком. Он что-то кричал, сильно выпячивая губы и скалясь, глаза его быстро вращались в орбитах, изо рта летела пена.

Конан продолжал невозмутимо реветь свою песнь, а потом, выждав, когда дикарь наклонится над ним слишком низко, без предупреждения метнулся вперед и впился зубами в сто руку. Завывая, точно гиена, дикарь отскочил и бросился бежать. В воздухе мелькали его сморщенные черные ступни. Остальные изумленно смотрели ему вслед. На сочных зеленых листьях оставались густые капли крови.

Конан усмехнулся и облизнул окровавленные губы.

— Что? — закричал он в изумленные раскрашенные лица. — Струсил? Дураки! Вы ни на что не годитесь! Вы решили, будто одолели белого человека? Я — Амра! Я ходил в бой с такими, как вы, и был не хуже в этих джунглях! А, поняли? Поняли?

Они, естественно, ничего не понимали, но смутились и смешались. Конан знал, что некоторые дикие племена в душе невероятно трусливы. Неясно, что было тому причиной, но суеверный ужас перед некоторыми вещами передавался этим людям из поколения в поколение, от прадеда к правнуку. Одни боялись пауков пуще гибели, другие страшились белой кожи, третьи просто при виде непонятной вещи обращались в бегство и не задавали лишних вопросов.

Правда, встречались среди черных люди, совершенно лишенные страха...

Но сейчас Конан столкнулся с совершенно новой «разновидностью» черных племен. Эти, несомненно, боялись всего, что не боялось их, — свойство, присущее животным, охотящимся стаей. Следовало отдать им должное — от страха они не стали более миролюбивыми. Скорее, наоборот. Некоторые уже трясли ножами прямо над лицом Конана, явно предлагая убить то, что их устрашало.

Конан собрался с силами, опять приподнял голову и заорал что есть мочи. Он прокусил себе губу и оплевывал туземцев кровавой слюной. Он ревел и извивался на земле. Несколько раз ему удавалось, изловчившись, боднуть некоторых из наиболее рьяных своих ненавистников.

Те отступили и собрались чуть в стороне, быстро переговариваясь. Конан внимательно наблюдал за ними. Если у них и имелся лидер, то здесь его не было. Они болтали все одновременно, размахивая руками и показывая то на варвара, то на развалины потерянного

города, а то куда-то наверх. То и дело кто-нибудь из них вскакивал и принимался трясти ножом, сделанным из острого обломка камня или кости, — Конан знал, что такие ножи, несмотря на всю их примитивность, бывают довольно острыми и наносят ужасные смертельные раны. Потом, так же внезапно, эти успокаивались и усаживались на землю, а возмущенно подпрыгивали другие. Это могло продолжаться очень долго, но тут появление нового персонажа заставило всех замолчать и подняться. Размалеванные лица приняли одинаковое выражение — почтительно-тупое.

«А вот и главный», — понял Конан и расслабленно замер, готовый в любое мгновение действовать. В воздухе над ним закачалась корона из перьев и возникло знакомое отвратительное лицо шамана — того самого, что приходил в селение. Впрочем, ничего удивительного в этом для Конана не было. Он подозревал нечто подобное.

В пальцах шаман мял комок какого-то зеленовато-белого вещества. Он отдал приказ гортанным грубым голосом, и мгновенно двое дикарей подскочили к Конану и схватили его за уши. Еще один быстро вставил ему между зубов палку. Конан стиснул зубы и едва не перекусил толстую ветку, но ему зажали нос, и в конце концов варвар вынужден был, чтобы не задохнуться, приоткрыть рот. И тотчас между губ ему всунули комок отвратительной на вкус липкой массы.

Конан сразу распознал, что это такое. Наркотик, который некоторые племена добывают из сока определенных тропических растений, смешивают с корой и потом жуют. Мир для них становится странным, из каждого куста начинают выглядывать духи, каждый лист обретает собственное неповторимое лицо. Если жевать наркотик достаточно долго, то «картинка» запоминается, начинает жить сама по себе и развивается. Человек может вступать в разговор с являющимися ему духами, а листья-лица сообщают ему, что по тропе недавно прошел зверь или другой человек. Беда только в том, что все это иллюзорно, и то, о чем шепчут листья и деревья, зачастую оказывается обыкновенным бредом наркомана. Тем не менее некоторые попадают на эту ловушку и до конца жизни остаются в плену своих грез, предпочитая иллюзии обыденности. Хотя Конан никогда не видел для себя в этом соблазна. Он любил жизнь такой, как она есть, и находил ее достаточно соблазнительной и интересной без всяких иллюзий и наркотических грез.

И вот ему всунули в рот этот комок. Конан понимал, для чего это сделано. Скоро он потеряет связь с реальностью, и им можно будет управлять.

Ну уж нет! Не бывать такому, чтобы какой-то слуга зла диктовал ему, киммерийцу, как поступать и какие картины видеть! Конан сделал глотательное движение горлом, рыгнул — не без удовольствия — прямо в лицо шамана, а потом закатил глаза и сделал глупую гримасу: по его мнению, именно так должен выглядеть человек, поддавшийся власти наркотика. Конечно, эта пантомима не обманула бы белого, но черный шаман плохо разбирался в мимике и поведении белых, поэтому поддался на уловку. Он громко расхохотался, откинув назад голову, несколько раз подпрыгнул, сильно топнув ногами при приземлении, а потом презрительно плюнул рядом с Конаном на траву и отдал своим людям какие-то новые распоряжения.

Конана подхватили и потащили подальше в развалины. Он нарочно цеплялся ногами за траву и корни, чтобы затруднить дикарям их задачу, и пока они выпутывали его из разных травяных ловушек, потихоньку выплюнул комок жеваной коры, который все это время прятал за щекой. Кроме того, веревки, которыми был связан киммериец, немного ослабили, так трясли и толкали его чернокожие слуги духа.

Этим он тоже воспользуется. Ближе к ночи, когда настанет время действовать.

* * *

О Зонаре, подвешенной в клетке высоко на дереве, дикари и думать забыли. Они вспомнят о ней, когда из развалин поднимется черный дух и потребует свою добычу. И тогда

они принесут ему белую женщину и предложат в пищу и для удовольствия. Дух, как они понимали, одновременно удовлетворял свою потребность в женском естестве и лютый голод своей утробы.

Одурманенным дикарям это казалось забавным, и пока несчастная жертва вопила в когтях черного чудовища, они исполняли неистовые пляски и оглашали развалины громкими, оргиа-стическими песнями.

Зонара преобразилась в мышь: она грызла и перетирала зубами прутья своей клетки. Пока что у нее плохо получалось, но затем, уже в сумерках, у нее появилась неожиданная помощница — маленькая белая обезьянка с грустной, похожей на человеческое личико, мордочкой. Несмотря на печальное выражение «лица», она оказалась довольно веселой и проказливой. Сперва обезьянка скакала по веткам поблизости от Зонары. Затем вдруг одним прыжком оказалась возле самых прутьев. Зонара, подумав, показала ей язык, чем привела обезьянку в полный восторг и навек завоевала ее сердце.

Маленькая шалунья схватила крошечными ручками прутья и стала трясти их, изогнув спину и озираясь по сторонам блестящими веселыми глазками. Клетка закачалась. Зонара поцокала языком. Это вызвало новый приступ веселья у зверька. Обезьянка оскалила зубы и разразилась целой тирадой — чередой отрывистых, похожих на птичьи выкрики, смешков. Затем длинная лапка просунулась между прутьями и ухватила Зонару за нос.

Зонара зафыркала и трянула головой. Обезьянка выпустила ее, снова потрогала прутья и, как будто что-то поняла, вдруг задумалась. «Может быть, она догадалась, что я не могу поиграть с ней по-настоящему, потому что сижу в ловушке? — мелькнуло у Зонары. — Вдруг она знает, что такое ловушки? Ведь здесь живут люди, они охотятся на животных. Обезьянка могла видеть сети, капканы, а может быть, и такие клетки».

— Помоги мне, — заговорила она с обезьянкой ласково. — Нужно перегрызть прутья. Сумеешь?

Обезьянка закивала, как будто поняла человеческую речь, а потом снова протянула ручку и погладила Зонару по щеке. Женщина возликовала: обезьяна поняла, что ее собрат в беде! А в том, что они с обезьянкой могут стать подругами, гимнастка теперь не сомневалась.

Это ласковое и доверчивое животное тянулось к человеку. Кто знает — вдруг когда-то она водила знакомство с какого-нибудь девочкой из соседнего селения?

Обезьянка прикинула мордочкой к решеткам и быстро заработала зубами. Вот подался один прут, затем второй.

Зонара попробовала выбраться, но дыра оказалась слишком маленькой. А обезьянка трудилась вовсю. Вскоре отверстие расширилось настолько, что в него можно было просунуть голову. Зонара понимала, что ей придется пренебречь всеми мерами предосторожности и попросту вывалиться из клетки, как куль. Она была связана таким образом, что по-другому бы не получилось. Кроме того, от долгого сидения в тесноте, в неестественной позе, у нее страшно затекли ноги, а расправить их и восстановить кровообращение возможности не представится.

Она положила на свой многолетний гимнастический опыт — а падать ее научили в первую очередь — и покинула свою воздушную тюрьму.

Удар о землю был смягчен густой травой, зато боль в затекших ногах показалась почти невыносимой. Зонара стонала и кусала губы, чтобы не закричать, а обезьянка скакала вокруг и сочувственно покрикивала.

Зонара показала ей связанные руки. Маленькие пальчики быстро и ловко распутали все узлы. Теперь настало время игры, по мнению обезьянки. Она забралась Зонаре на плечо и стала покусывать ее за ухо. Зонара подумала и встала на руки. Обезьянка спрыгнула с ее плеча и уселась, засунув кончик белого хвоста в рот, — ни дать ни взять почтеннейшая публика на выступлении гимнастов. От нелепости происходящего Зонара хотела плакать и смеяться одновременно.

Она — в затерянном городе, где полно сокровищ, вокруг бродят злобные дикари и

вот-вот проснется черный дух, пожиратель человеческой плоти, ее спутник, вероятно, попал в плен (до ушей Зонары доносились крики дикарей и громовая песня киммерийца-воина, которую исполнял Конан назло своим поработителям)... а она устроила цирковое представление, чтобы потешить маленькую белую обезьянку!

Но ничего не поделаешь — спасительница требовала зрелищ. Зонара прошла колесом, потом опять постояла на руках, сделала сальто. Обезьянка весело заверещала, обнажая зубы.

— Ну вот, остальное позже, — сказала ей Зонара и похлопала себя по плечу. — Забирайся. Нам нужно освободить Конана и разделаться со злым духом.

И она двинулась ближе к центру развалин. Обезьянка забеспокоилась, спрыгнула, отбежала в сторону, оглянулась — как бы проверяя, не идет ли за ней Зонара. И, поскольку девушка продолжала шагать в противоположном направлении, зверек подбежал к ней, ухватил за руку и потянул за собой.

Зонара присела на корточки.

— Ты хочешь сказать мне, что туда идти опасно? Ах ты, моя милая! Ты все понимаешь! Да, там опасно, но я должна уничтожить злого духа, чтобы он больше не угрожал твоим родным лесам.

Ты меня понимаешь? Мы с Копаном разделаемся со злым духом, и я вернусь к тебе. Подожди меня где-нибудь на краю леса.

Она разговаривала с животным как с разумным существом. Конечно, обезьянка не могла понимать слов, но она улавливала ласковую, успокаивающую интонацию женского голоса. Зонара погладила ее по голове и пушистым плечам и подтолкнула в спину.

— Иди, милая. Подожди меня в безопасном месте. Я вернусь.

И решительно пошла прочь. Обезьянка попрыгала на месте, отталкиваясь от земли ногами и сжатыми в кулачки длинными руками, а потом побежала поскорее прочь от страшных развалин.

* * *

— Конан! Это ты? — послышалось из ночного мрака.

Киммериец, связанный, сидел на дне глубокой ямы — или, может быть, правильнее было бы сказать, колодца? Под ногами было сыро, противно хлюпала пропитанная влагой земля. Из того места, где он находился, он мог видеть только маленький кусочек неба, которое постепенно наливался чернотой и заполнялся звездами. Он слышал, как начинают перекликаться ночные звери: просыпались хищники, которые выходили на охоту под покровом темноты. Несколько раз что-то темное, мягко хлопая крыльями, пронеслось у него над головой, и во тьме вдруг вспыхивали огромные желтые глаза. Донесся отдаленный рык льва.

Конан заскрежетал зубами. И тут наверху показался какой-то круглый предмет. Несколько мгновений он оставался неподвижным, потом чуть сместился на фоне звезд. Человек, понял Конан. Человеческая голова. В колодец кто-то заглядывает.

Киммериец тихо зарычал, как хищник, угодивший в ловушку, но все еще смертельно опасный для неосторожного охотника.

— Конан! — послышался голос. — Хвала всем богам, ты здесь!

— А где же мне, по-твоему, быть, Зонара? — невозмутимо отозвался киммериец. — Разумеется, я здесь, в яме! Где еще может находиться порядочный человек, если он в логове поклонников злого духа?

— Тьфу! — слышно было, что Зонара сердится. — Некогда заниматься глупыми разговорами! Я брошу тебе веревку!

— Я связан, — сообщил варвар.

— Ну так освободись, — раздраженно приказала Зонара. — При твоей хваленной

варварской силе это сделать нетрудно.

Конан пошевелил связанными руками. Он занимался этим уже несколько часов, и теперь с радостью ощутил, что веревка наконец подалась. Сделав последнее усилие, он выдернул одно запястье, немного рассадив себе кожу, после чего принялся растирать затекшие кисти.

Сверху что-то упало, слегка задев его по макушке. Конан поднял голову. Веревка в руках Зонары плясала и извивалась, как живая змея.

— Держи сильнее, — приказал он. — Я тяжелый.

— Да уж знаю, — двусмысленно хихикнула Зонара. — Пробовали. Тяжелый, как мокрое полено.

Конан зашипел и схватил веревку. Она натянулась.

— Я привязала ее к дереву, — сообщила Зонара. — И на всякий случай придерживаю руками.

Конан, пыхтя, полез наверх. Для киммерийца, горца, выросшего среди скал, такой подъем не представлял труда. Лишь бы веревка не оборвалась в самый неподходящий момент. Но веревка, как это ни удивительно, выдержала.

— Здесь кругом люди, — шепотом сказала Зонара, когда варвар плюхнулся па землю рядом с ней.

Конан поцеловал ее в губы.

— Ты умница, — похвалил он. — Осталось убить злого духа. Где возьмем оружие?

— А разорвать его голыми руками не получится? — не выдержала и поддела своего спутника Зонара. — Одним духом мы не отделаемся. Тут целое племя демонопоклонников. Они полностью во власти страшных грез, которые дает им наркотик.

— Без своего властелина они долго не проживут, — проворчал Конан. — Стниют заживо в этих джунглях.

Зонара молча схватила его за руку и показала куда-то за стволы деревьев.

Конан подобрался и начал подкрадываться. Он почти сливался с ночной тьмой, но все же Зонара различала его массивный силуэт — сгусток тьмы в прозрачной темноте южной ночи.

Затем донесся короткий шум борьбы, тихий вскрик, хруст — Конан сломал шею человеку, притаившемуся за деревьями.

— Зонара! — вполголоса позвал киммериец. — Иди сюда! У меня есть идея!

Она подбежала, стараясь двигаться бесшумно, и остановилась. Конан, переводя дыхание, снимал с трупа острый каменный нож.

— Нужно очистить джунгли от этой пакости, — заявил киммериец. — И я теперь знаю, как. Посмотри.

Он снял что-то с коры дерева и, осторожно держа пальцами какое-то крошечное существо, поднес к полосе лунного света.

Зонара увидела, что между двух пальцев извивается, яростно пытаясь ужалить, большой рыжий муравей.

— Что это? — удивилась она. — Муравей?

— Именно. Исключительно свирепая и прожорливая тварь. Страшнее зверя нет — будь он только в сотню раз побольше, одолел бы и льва, и тигра... Но у муравьев другое преимущество, Зонара. Их очень много. И если приманить сюда муравьев, здешним негодьям смерть покажется лучшим избавлением.

— Как ты собираешься это сделать? — не уставала удивляться Зонара.

Конан блеснул в темноте белозубой улыбкой.

— Не забывай, Зонара, что в этих краях когда-то меня называли Амра — Лев. Я возглавлял отряды черных воинов, и мы наводили страх на окрестности. Я хорошо знаю здешние обычаи. Мои негры научили меня множеству полезных вещей.

— Но ведь ты — белый, — возразила Зонара. — И как всякий белый, ты подвергаешься в этих джунглях большей опасности, нежели любой из черных. Я знаю, что многие

насекомые впиваются белым людям между пальцами ног и проникают в их тело, отчего плоть сгнивает заживо. В то время как черный человек может ходить здесь босиком и не бояться ничего подобного.

— Да, мы разные, — согласился Конан. — Но человек, Зонара, везде остается человеком. И я легко нашел общий язык с моими черными братьями, воинами и бродягами, вроде меня самого. А теперь — хватит болтать. Один из них научил меня отличной штуке. Из трупа этого бедного мерзавца я сделаю превосходную ловушку для муравьев. Скоро их здесь будут полчища.

— А мы с тобой? — ужаснулась Зонара. — Как ты справедливо заметил, Конан, меня не раз приговаривали к смерти, но то была смерть от честной стали или от не менее честной петли. Ну, один разок меня приговорили к четвертованию... но это было всего один раз! А тут — быть съеденной... И добро бы львом или тигром. Все-таки благородные животные. Но оказаться в желудках тысяч, миллионов насекомых! Как я предстану на суд богов? С отрубленной головой в руках — это я понимаю. С отрубленными конечностями? Ну, их можно держать в зубах, на худой конец. Но растащенная на мириады крошечных кусочков... Я погибну окончательно и никогда не смогу обитать в загробном царстве!

— Я что-то не понял, — удивился Конан, — ты собралась в загробное царство?

— Мы все не бессмертны, — рассудительно молвила Зонара. — За долгие годы скитаний и неудач я прочувствовала это сотню раз. Поэтому я в свободное время предавалась благочестивым размышлениям о возможной посмертной участи таких, как я...

— Не желаю слушать! — оборвал ее Конан. — Смерть — это смерть, и нечего о ней думать. Когда придет — тогда и придет. Что будет — то и будет. Кром свидетель, я ее не боюсь! А теперь слушай меня, трусишка. Мы не пострадаем. Когда муравьи придут, мы будем далеко отсюда. На каком-нибудь удобном раскидистом дереве.

— А разве муравьи не умеют лазить по деревьям?

— Им будет чем заняться внизу, обещаю, — сказал Конан и принялся за дело.

Он разрезал живот убитого и разложил его внутренности по траве. Зонару затошнило от их вида, хотя в сероватом свете луны они выглядели еще не так омерзительно — жутко представить себе, как это смотрелось бы при свете яркого солнца!

Затем Конан сорвал несколько цветков с ночной лианы — из тех, что раскрываются только после заката — и выдавил густой сок из цветке, на разверстую рану. По земле распространился сладковатый гнилостный аромат.

— Скоро они кочуют и прибегут, — прошептал Конан. — А нам с тобой пора уносить отсюда ноги.

И они быстро двинулись сквозь развалины и заросли деревьев и кустов. Откуда-то сверху прыгнула обезьянка. Она обхватила шею Зонары цепкими ручками и прижалась мордочкой к ее щеке.

— Твоя подруга? — спросил Конан, мельком глянув на зверька.

— Ты прав, — не позволила себя смутить Зонара. — Благодаря ей я освободилась и сумела вытащить тебя. Так что свои насмешки можешь оставить при себе. Это отличный зверек! И я с ней не расстанусь, если только она сама не захочет меня покинуть.

Конан проворчал что-то себе под нос, однако от дальнейших высказываний воздержался.

Они покинули руины потерянного города и углубились в чашу леса.

— Ждать будем здесь, — предложил киммериец, устраиваясь на небольшой поляне. — Я посторожу. Впрочем, тебе тоже советую не спать.

— Обезьянка может предупредить нас об опасности, — сказала Зонара.

Конан поднял брови. — Да?

— Да, — упрямо повторила Зонара. — Если она почувствует приближение чужаков, она завершит.

— Ты уверена? В первый раз слышу о сторожевых обезьянках!

— Я не уверена, — рассердилась Зонара. — Но предполагаю, что это случится.

— Скорее всего, нашим размалеванным друзьям сегодня будет не до нас, — Конан широко зевнул. — Скоро мы услышим их вопли. Можешь мне поверить.

Зонара неопределенно пожала плечами. Варвар довольно часто оказывался прав, по это, как полагала женщина, еще не повод соглашаться с ним и признавать его правоту.

Прошло несколько часов, прежде чем до слуха обоих беглецов донеслись жуткие вопли. Так кричали бы демоны, если бы повстречали других демонов, еще более страшных, чем они сами. Затем возгласы стали тоньше, тише, жалобней. Одни звучали довольно близко, другие — совсем далеко, некоторые метались по лесу. И все время стучали тамтамы, сперва равномерно, сводящим с ума тревожным стуком, затем — в бешеном ритме, а после и вовсе без всякого ритма. Наконец настала полная тишина. Ни барабанов, ни человеческих голосов, ни демонского завывания.

— Конечно, — сказал Конан и плюнул. — Так им и нужно. Как подумаю, что они хотели принести в жертву своему поганому духу наших девчонок...

— Наших? — иронически переспросила Зонара.

— Ну да, наших, — подтвердил Конан. — Наших, человеческих девчонок. Там, в селении, очень хорошие девушки. Добрые.

— Не в пример мне, — горько добавила Зонара.

— Ты — совсем другое дело, — сказал Конан, обнимая ее за плечи, но она высвободилась.

— Ты меня совсем не любишь.

— Боги, Зонара! Кто говорил о любви? Может быть, ты? Ты всегда находишь себе мужчину в постель, если хочешь, но когда и в кого ты влюблялась?

— Ну, никогда... ни в кого... — В темноте было слышно, что Зонара вдруг всхлипнула. — Но мне бы хотелось... И чтобы кто-нибудь вот так тепло говорил обо мне. Что я добрая. Что я хорошая девчонка.

— Ну, ты ведь действительно хорошая девчонка, — попробовал утешить ее Конан, совершенно сбитый с толку. То она изображает из себя независимую женщину, эдакую амазонку, которой никто не нужен, а теперь проливает слезы оттого, что приятель, с которым она обтяпала не одно воровское дельце, не считает ее достаточно добродетельной.

— Да... и никто не захочет на мне жениться, — продолжала Зонара.

— У тебя слишком уж разноречивые потребности, Зонара. Чего ты хочешь, в конце концов? Выйти замуж и провести всю жизнь на одном месте, в каком-нибудь городе или селении? Или бродить по свету в поисках сокровищ и приключений?

— Не знаю, — вздохнула Зонара и погладила обезьянку, которая прижималась к ней щекой и, очевидно, пыталась утешить. — Ладно, оставим это.

— Давно пора, — пробурчал Конан. — Идем, посмотрим, как там дела в развалинах.

Небо над ними посветлело. Спустя миг взошло солнце, и сразу вокруг все заиграло невероятно яркими красками, которые в первое мгновение после полумрака предрассветных сумерек казались неестественными.

Зонара содрогнулась при мысли о том, что сейчас предстанет ее взору. Она помнила, что проделал Конан с трупом одного из демонопоклонников, и была уверена в том, что картина, которая их ожидает, не менее ужасна и отвратительна.

Муравьи ушли в поисках новой добычи. Ни одного из них не было видно в траве и на обнаженных участках почвы, сколько Конан и Зонара ни вглядывались. И все же они ступали очень осторожно, внимательно высматривая возможную опасность.

А затем Конан вдруг остановился и схватил свою спутницу за руку. — Смотри!

Оба застыли, невольно прижавшись друг к другу. Повсюду были служители черного духа зла. Они стояли, сидели, лежали — неподвижные, сморщенные, нелепо разрисованные. Пестрые утренние джунгли как будто готовились поглотить их, вобрать в себя невероятно яркие краски их тел и сделать их частью общего многоцветного облачения.

И все же пока что черные тела выделялись — Конан сразу понял, чем: посреди буйного

бурления тропической жизни, которая властно заявляла о себе в каждом листке, в каждой травинке или ниточке паутины, мертвецы казались чем-то лишним.

Скоро тление коснется их, и они снова будут приняты в лоно породивших их джунглей, станут пищей для новых поколений.

Конан приблизился к одной из неподвижных фигур и дотронулся до нее пальцем. Неожиданно человек покачнулся, смялся, как тряпка, и упал к ногам киммерийца бесформенной грудой. Конан взял его за плечо пальцами. Пустая оболочка повисла, драпируясь складками морщинистой кожи.

Зонара вскрикнула и зажала рот руками. Муравьи сожрали все, даже кости. Они выели человека изнутри, проникнув в его тело через глаза, уши, рот, ноздри. И произошло это в считанные минуты.

Их было так много, что одновременно погибло не менее двух десятков человек. И вряд ли кто-нибудь из них спасся в эту ночь.

Конан окинул взглядом страшную поляну.

— Они даже не успели ничего понять, — сказал он Зонаре. — Они ведь постоянно жевали этот наркотик. Просто их грезы взбунтовались и сделались ужасными, а потом все оборвалось.

— Я не испытываю к ним сострадания, — заявила Зонара, тем не менее содрогаясь всем телом. — Они заслужили свою участь. Ох, не знаю, Конан! — сдалась она и заплакала. — Мне так страшно!

— Муравьи ушли, — заверил киммериец.

— Откуда ты знал, как это сделать? — спросила женщина, обнимая свою обезьянку так, словно зверек мог ее утешить.

— Мне рассказывали о подобном способе казни друзья-туземцы, — ответил Конан-Амра и оскалил зубы. — Как тебе?

— Они не вернуться? — еще раз спросила Зонара.

— Нет. Поверь мне. Они приходят и уходят, как морской отлив. Они ушли искать себе другую добычу. Здешние туземцы рассказывали мне, что у них есть общая мать, и если уметь разговаривать с нею, то можно управлять целыми мириадами муравьев.

— И ты... говорил с этой их матерью? Конан засмеялся, видя, как недоверчиво покачивает головой его спутница.

— Нет, конечно! Я просто сделал для них лакомую приманку. Ты же все видела своими глазами, Зонара. Нельзя быть такой доверчивой. Знаешь, один слепец мечтал стать зрячим и перепробовал множество различных средств. Наконец он пришел к старухе, которая уверяла, будто может сделать слепого человека зрячим — ну, хотя бы немножко. Так, чтобы различать, где свет, а где тьма.

— И что?

— В конце концов, слепец отказался от этой затеи. «Вы, люди, слишком доверяете своим глазам, — сказал он, — а я доверяю слуху, запаху и предчувствиям. Поэтому я всегда распознаю ложь, а вы отдаете себя во власть очевидности»... Там была длинная история, которая подтверждала его правоту, да только я позабыл подробности.

— Ты просто кладешь премудрости, Конан, — съязвила Зонара. — Откуда ты набрался всех этих историй о слепцах?

— Рассказала одна замечательная женщина. Если бы я был ровесником собственного прадеда, то непременно завел бы с нею большую любовь. Во всяком случае, так она утверждает.

— Смотри! — оборвала болтовню развеселившегося киммерийца Зонара и дернула его за руку.

Конан поднял голову и взглянул туда, куда указывала Зонара. В небе кружили два странных существа: одно — черное, похожее на летучую мышь, только огромную, с выставленными клыками, вроде клыков саблезубого тигра, другое — пестрое, гораздо меньшее размерами...

— Человек! — воскликнул Конан. — Это же шаман! Он парит в воздухе, раскинув руки!

— И с ним дух! — добавила Зонара.

— Стань на открытом месте, — быстро приказал ей Конан. — Кричи, умоляй, простирай руки! Я хочу, чтобы дух опустился к тебе.

— Ты с ума сошел? — возмутилась женщина.

— Вовсе нет. Мне нужно подманить его, чтобы я мог убить его ножом. У меня, как ты, вероятно, заметила, нет лука со стрелами. Торопись, Зонара! Иначе они улетят к селению — и тогда...

Зонара опустила обезьянку на землю и побежала на поляну. Обезьянка горестно заверещала и поскакала было следом, но затем вернулась и закрыла личико белыми лапками.

Конан фыркнул:

— Все будет хорошо, маленькая сестра, вот увидишь.

Обезьянка тихо цвиркнула, как будто сомневаясь в словах киммерийца. Конан быстро зашагал по развалинам брошенного города, направляясь к Зонаре. Он хотел подкрасться и нанести удар духу из засады.

Завывания Зонары разносились далеко по джунглям. Она призывала богов спасти «беззащитную девушку», кляла «гносного киммерийца», заклинала «добродетельного духа», чтобы тот «снизошел к мольбам добродетельной красавицы» — словом, несла полную чушь. Конан даже подивился изобретательности своей подруги. Впрочем, чему тут удивляться — за годы выступлений на улицах и площадях она научилась многому.

Дух уже был близко. Шумно хлопая кожистыми крыльями, он завис в воздухе прямо перед Зонарой. Она видела его маленькую морду, похожую на сильно искаженное человеческое лицо, гротескное, дьявольское. Крошечные глазки горели, с клыков срывались клочья желтоватой пены. Дух облизнулся длинным узким языком. Зонара ощутила, как по ее ногам течет горячее, — от ужаса она обмочилась. Такого с ней не случалось уже очень много лет. От стыда и страха она взвыла.

Внезапно выражение «лица» злого духа изменилось. Язык снова высунулся и задрожал в воздухе, мелко и быстро.

Огонь в глазах погас, а из пасти вырвалось тихое шипение. Затем крылья отчаянно захлопали, и чудовище принялось метаться из стороны в сторону.

Зонара бросилась на землю — иначе когти монстра зацепили бы ее и изувечили. Теперь дух не шипел, а тонко, пронзительно кричал.

Наконец Зонара разглядела, что в спине чудовища торчит кинжал. Это был кривой кинжал, изготовленный, видимо, каким-то местным умельцем. Вокруг кинжала голая плоть духа вздулась, как будто от воспаления. А Конан стоял чуть в стороне и глядел на небо.

Наконец, испустив последний вопль, такой высокий, что у Зонары заложило уши, дух повалился набок и затих. И в тот же миг с небес низвергся шаман. В последнем полете он размахивал руками, точно птица с перебитыми крыльями, в тщетной попытке снова взлететь. Разрисованный, украшенный перьями и зловещими «трофеями», шаман просвистел по воздуху и с силой грянулся о землю, причем упал так неудачно, что острый сук прошил его насквозь.

* * *

— Чем ты убил духа? — спросила Зонара, потрепав по шее свою обезьянку, которая вновь сидела у нее на плече. — Я уверей, что это был необыкновенный кинжал.

Конан любовно огладил мешок, набитый драгоценными камнями, резной костью и женскими украшениями — браслетами, кольцами, ожерельями.

— Я нашел это оружие в развалинах, — сказал он. — На нем были письмена. А уж если видишь письмена, Зонара, — поверь моему опыту! — добра не жди. Я и разбираться не стал,

тем более что этот язык мне незнаком.

— Тебе даже родной язык в письменном виде незнаком! — засмеялась Зонара.

— В Киммерии письменность почти не развита, — с достоинством возразил Конан. — А для того, чтобы воткнуть нож в спину злого духа, грамота не требуется. Один слепец, например, не умел читать...

— ...что естественно в его положении... — вставила Зонара.

— ...однако стал отцом семнадцати детей. И когда ему говорили, что лишь немногие похожи на него лицом, слепец неизменно отвечал: «Внешность не главное».

Зонара расхохоталась, а затем вновь стала серьезной.

— Но почему ты был так уверен, что шаман упадет с небес?

— Шамана удерживал в воздухе злой дух силой своих чар. Ты ведь не веришь, что человек в состоянии летать без посторонней помощи? А это был человек злой и горделивый. Разумеется, он наслаждался полетом, сколько мог, и не думал помогать своему благодетелю. Он был уверен, что дух справится с такими ничтожными людишками, как ты да я. И поплатился.

— Ох, Конан! — Зонара вдруг остановилась и повисла на шее у киммерийца. — До чего же я рада, что все кончилось!

Конан предложил:

— Давай разделим добычу сейчас. Я не хочу показывать в селении, что именно мы нашли в развалинах.

Зонара согласно кивнула и с жадностью уставилась на мешок. Конан уселся поудобнее на земле, скрестив ноги, и развязал тесемки. Сперва он бережно вынул некий круглый предмет, завернутый в парчовую ткань.

— Что это? — спросила Зонара, алчно облизывая губы кончиком языка.

— Голова духа, — невозмутимо объяснил Конан. — А это — голова шамана.

— Тьфу! Какая гадость!

— Я должен показать их в селении, — сказал Конан. — А потом унесу обратно и закопаю в руинах. Надо же успокоить этих милых людей, которые были ко мне добры и исцелили мои раны.

Зато прочее содержимое мешка вполне удовлетворило Зонару.

* * *

Спустя несколько месяцев Конану рассказывали в порту о прекрасной офирской госпоже. Она, мол, была щедра и капризна, однако при случае — время от времени — не гнушалась ласками простых моряков, которых потом богато одаряла. Она сыпала деньгами и в конце концов отправилась на корабле... кажется, в Аквилонию... При ней была обезьянка, которая смешила всех своими веселыми проделками. Да и госпожа, честно сказать, тоже была веселая. Жаль, что уехала...